

A person with long brown hair, wearing a brown coat and a backpack, is walking away from the camera on a wooden boardwalk path. The path is flanked by wooden railings and is covered with fallen autumn leaves. The background shows a dense forest with trees having vibrant yellow and orange foliage. In the distance, a wooden bridge or walkway crosses a narrow gorge. The overall atmosphere is serene and scenic.

Тамара Решич

Бадяга и другие жизненные истории

Тамара Решич Бадяга и другие житейские истории

<https://litres.ru/73961009>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой книге каждый узнает себя. Каждый, кто проходит через боль, расставание, предательство, всю эту взрослую жизнь.

Выбираться из этого можно по-разному. Но самое важное - сохранить тепло в душе. Просто поверьте, это важно не для кого-то: соседа, знакомого, друга. Это важно для вас самих.

Обнимаю каждого.

Содержание

От автора	4
БАДЯГА	6
КЛУБОК ЗМЕЙ	11
Хлеб	15
Шептуха	18

Тамара Решич

Бадяга и другие житейские истории

От автора

Перед вами сборник смешных, грустных, добрых и злых историй. Буду публиковать их по очереди. После прочтения этой книги вы точно придете к мысли, что автору нужна терапия. И будете правы. Я и сама так думаю. Каждый день. Но в какой-то момент пришла к выводу, что иногда терапия – это не просто кабинет с кушеткой и специалист. Иногда терапия – это громко, неудобно и во весь голос сказать, о чем обычно молчат. Книга, которую вы со временем прочтете, это материальное желание сказать лицемерию этого мира «Стоп! Так нельзя».

Долго спрашивала себя: имею ли право вываливать все это на читателя? Сложный моральный вопрос. Тяжелый выбор. Но молчание – это тоже про выбор. Молчание – это согласие. На манипуляции, использование, ложь, подмену фактов выгодной правды и замалчивание невыгодной.

Я больше не согласна. Поэтому здесь вас ждут не просто истории. Это публичное обещание больше не быть "молча-

ливой никем". Это не месть или желание высказать «все обиды мира». А чтобы каждого, кто прошел через ад, мысленно обнять. И подарить чуть-чуть тепла и надежды.

Я прошла эту дорогу. И выбралась. И теперь ваша очередь понять, что вы сами и есть ваш главный болельщик и опора даже, когда кажется, что весь мир против вас.

В этой книге — я настоящая. Без прикрас. Со всей моей болью, которая постепенно превращается в тепло. И этим теплом я хочу поделиться с вами. Дайте знать, если вы тоже прошли через ад и сумели выстоять. Нас миллионы.

С уважением, Тамара Решич

БАДЯГА

Однажды, придя домой, я увидела у подъезда толпу людей. И точно знала, что именно я стала причиной этого «собрания». А все началось с бадяги.

Если вдруг вы не знаете, то бадяга – это такое аптечное средство от синяков. Его делают из измельченной колонии губок из семейства бадяговых. Смысл в том, что губку сначала высушивают, затем измельчают, а затем наносят на кожу. И после нанесения «миллион иголочек бадяги оживает, впивается в кожу и застревает там надолго и вот так механически кожа обновляется. Актуально от синяков».

Говорят, хорошо помогает. Мне тогда было лет 25-27 и я активно зависала в VK. Надо сказать, что в 2012-2013-м VK все еще был кладезем полезных и не очень советов. И вот в ленте я увидела чудо-средство "для нежной кожи" – бадягу. Деталей не помню, но смысл был в том, что нужно было это средство развести и нанести на кожу, которую хочешь взбодрить. А так как критическое мышление в тот раз вышло из чата, купила сразу две пачки в ближайшей аптеке.

Наконец настал вечер омоложения. Приготовилась: набрала ванную воды, помыла волосы и, предвкушая эффект, развела бадягу по инструкции и нанесла ее на кожу лица прямо голыми руками сразу содержимое двух пакетиков...

О том, что что-то идет не так я почувствовала мгновенно.

но! Руки, ноги, где капнула «омолаживающая разведенная бадяга» начинало жечь огнем, лицо горело! Но я с упорством осла наносила кашицу на лицо. По инструкции полагалось выдерживать маску 10 минут. Не выдержала и трех. Лицо, руки горели адским пламенем даже после того, как я смыла всю маску. Кожа покраснела и отекала. А на утро мне предстояло пойти на работу в исключительно мужской коллектив. Утром ситуация была еще хуже - лицо было похоже на раздувшееся месиво, а если дотронуться еще и горело, как будто в кожу впивалось сразу несколько сотен иголочек.

«Красоту», не удалось убрать ни тональным кремом, ни пудрой – я выглядела так страшно и стремно, что меня можно было сравнить с алкашом с 20-летним стажем. Сказать, что мои коллеги были в шоке не сказать ничего. Но, как ни странно, мужчины сочувствовали. Смотрели на меня и украдкой интересовались «моими веселыми выходными», сочувственно похлопывали по плечу, мол "держишься, брат". А я радовалась, что моя работа на радио в тот день не предполагала выход к людям.

На следующий день я буквально отказалась выходить на улицу из-за своего вида и попросила отгул. Сидеть без дела мне было очень скучно и я придумала себе репортаж в стиле "испытано на себе".

А тема пришла так. Тогда, да и сейчас, мой коллега творческий редактор Витя очень любил тему «расчёты коммунальных платежей». Надо сказать, что и мне эта тема «захо-

дила» на ура – я готова была ковыряться в каждом из показателей и в каждой строчке «жировки», донимая чиновников разных уровней и операторов расчетных центров на местах, что значит и как рассчитывается тот или иной показатель. По тому, насколько у нас не отрегулирована эта тема и каждый сотрудник сферы ЖКХ на местах понимал ее по-своему, можно было писать диссертации. Представьте себе ситуацию, когда ты звонишь в рандомно выбранный РСЦ (расчетно-справочный центр - прим. автора) и спрашиваешь, как рассчитывается такой показатель в жировке как «техобслуживание», что сюда включается. Будьте уверены, набрав несколько номеров вы услышали бы совершенно разные версии, буквально – на что хватает фантазии у человека, который принимает звонки. Противоречия никого особенно не смущали, как и не смущает то, что каждый год мы слышим, что «не оплачиваем и 100% коммуналки», но когда наступят эти 100% никто не может сказать.

Кроме строки «техобслуживание» интереснее была лишь строчка «отчисления на капремонт». Так вот в день вынужденного отгула я предложила редактору тему: давай фактически подсчитаем, сколько стоит помыть один подъезд и что в эту сумму входит и почему на этой почве неразбериха. Согласовав ее, я взялась за работу: перчатки, швабра, тряпка, веник и ведро воды и я пошла драить подъезд. То есть испытать все на себе - время, средства, трудозатраты.

Во-первых, нужно было сделать фото, а во-вторых, если

я говорила, что «помыла», значит и правда его помыла. К тому же мне нужны были живые комментарии жителей дома, их реакция, эмоции и лучшего способа их получить на тот момент я не придумала как получить. Но с лихвой получила во время уборки.

Я двигалась с 9-го этажа до 1-го. Логика была максимально простой: я жила тогда на 9-м этаже и мне просто было удобно убрать свою лестничную площадку и идти дальше.

Репортаж получился хорошим. Настолько эффективным, что потом про мой эксперимент снимали видео-репортаж на каком-то канале, а текст перепечатали все ведущие СМИ.

Тем временем мое лицо немного отошло и в пятницу поехала в офис. Кожа после бадяги и правда стала лучше, но не повторяйте этот опыт (!) – сожжете кожу и еще не известно, повезет ли вам так же как и мне. Возвращаясь вечером с работы, издалека увидела у нашего подъезда толпу людей и несколько очень официально одетых специалистов. То, что это специалисты не вызывало сомнений: оказалось, представителей ЖЭСа и администрации Фрунзенского района г. Минска. Люди кричали про «отвратительную уборку подъезда, спрашивали, куда уходят их деньги и почему они вынуждены жить в грязи» и платить за это. Люди из администрации махали бумагами с печатями и их возражения тонули в общем гуле недовольства. Вот так обычная бадяга преподала мне классный урок: порой самые дурацкие решения приводят к самым неожиданным последствиям. Я хотела об-

новить кожу - а "обновила" подъезд и чуть не развязала бунт. Жалею только, что не хватило духу тогда к ним выйти. Может, в следующий раз.

КЛУБОК ЗМЕЙ

Родить – это никогда не забыть, как это было. Детали, запахи, погода за окном запоминаются навсегда, а рост, вес и шкалу Апгар ты помнишь, даже если тебя поднимут среди ночи в полубессознательном состоянии. Ты прохрипишь заветные цифры.

А вот все, что с тобой происходит в роддоме до, забывается. И лишь спустя время ты оцениваешь и осознаешь действия других людей в тот момент, когда ты была уязвима.

Когда мне предстояла операция кесарева, я вдруг поняла, почему девочкам перед наркозом не хочется есть и пить. Время пролетает мгновенно. Ни о каком «есть, пить» даже не думаешь. Даже губы промочить не хочется. Забываешь об этом и на следующий день. И на следующий – заставляешь себя, потому что после родов нужны силы.

Страшно было только в коридоре операционной. Сердце замерло от внезапного завывающего «Помогите!» – в соседнем родзале рожала девочка, а ее хором стыдили медсестры или санитарки:

– Ну-ну, чего разоралась, все рожают. А беременеть было не больно?

Несмотря на собственное волнение, мне захотелось им врезать. За то, что пользуются уязвимостью роженицы.

Таких моментов в роддоме много. Ведь какой смысл в сло-

вах анестезиолога, что надо худеть той, кого в полуживом состоянии перекалывают на каталку и отвозят в реанимацию после кесарева? Это запоминается. Но в моменте, в страхе и уязвимости на многое закрываешь глаза и анализируешь много позже, где-то в глубине придумывая, как можно было бы ответить.

Наутро после кесарева меня перевели в палату и принесли дочку. Я подняла на руки свои почти 4 килограмма счастья и у меня открылось кровотечение. Кровь, выделения буквально полились по ногам, полу, заливая все вокруг. Я пыталась вытереть салфетками, полотенцем, но она не останавливалась, а наклониться и вытереть все у меня не было сил. Позвала санитарку, а она зло выговаривала мне за "вот надела дела". Кровь плохо смывается с линолеума в палате.

Я старалась не замечать этой усталости медсестер, врачей и их нападков. После родов дышала только дочкой. Мне было все равно на упреки, на грубое "прикладывание к груди, комментарии, что грудь какая-то не такая и надо было учиться кормить". Пелена спала лишь после того, как у малышки вдруг после осмотра медсестры пошла кровь из пуповины. Как это произошло — не знаю. Какая дурка выстрелила в голове медсестры — тем более. Но я будто очнулась. Мне стало так страшно, что я буквально захлебнулась от отчаяния.

Но было что-то еще. Ярость. Во мне поднялась животная ярость и страх за своего ребенка. Как и любая мама за тысячи лет до меня и после меня я вдруг поняла, что не задумываюсь о себе.

мываясь убою за своего малыша. Я подняла на ноги всех, до кого смогла дотянуться. Дочку осмотрели, обработали пуповину, я немного пришла в себя. И только тогда в тишине я услышала их...

В соседних палатах, в соседних "гнездах", другие мамы шипели своим «кулечкам»: «ш-ш-шш-ш», «тише-тише». Укачивали новорожденных как умели. И сами были клубком змей. Почти у всех были первые роды, и интуитивно мы так успокаивали плачущих малышей. Мы шипели не друг на друга. Мы шипели на хаос. На боль и страх. На то, что пока не понимаем, как дальше строить жизнь.

Прошло несколько лет. Из памяти выветрились бессонные ночи, хамство, переживания и имена тех, с кем мы делили одну палату, едва став мамами.

Смотрю, как дочка спит в своей кроватке, раскинувшись «звездочкой». Она любит лечь попозже и, если не нужно в школу, примерно так же встать – успешно практикует: «Я же сова, и спать скуучно, не устала». Я, как и сотни женщин до меня, украдкой наблюдаю за своим ребенком.

И вдруг вспоминаю ту палату. Тех женщин. То бесконечное усталое «ш-ш-ш».

Мы больше никогда не виделись с соседками по палате и вряд ли когда-то узнаем друг друга. Но иногда мне кажется, что, проезжая мимо роддома, я слышу тихое успокаивающее «ш-ш-ш».

Потому что каждую ночь новая палата превращается в

клубок змей. И каждая новая мама учится шипеть. Выдыхать, выживать. И бесконечно любить.

Хлеб

90-е запомнились каждому по-своему. Мои 90-е - это первый школьный год. Мы жили в Беларуси, в деревне. У нас не было особенных проблем с едой: все выращивалось на грядках и легко превращалось в еду. А большое хозяйство – корова, куры, свиньи давали нужные продукты. Вкусное мясо и сало с мясной прослойкой и тонкой шкуркой с чесноком, домашние яйца, молоко, сметана, масло и простокваша.

Нам не приходилось стоять в очередях за какими-то очень нужными коврами, люстрами или сервизами. Наша еда - скибка хлеба, слегка смоченная водой и щедро окунутая в сахар. Такой нехитрый десерт надолго давал чувство насыщения. Особенно вкусно было с хрустящей свежей корочкой "черного" хлеба. Мне не было грустно от этого факта - хотя бы потому, что других десертов я просто не знала. У меня не было шоколадок, торты никто не пек - не работала духовка. Максимум, на что мы могли рассчитывать, - это пироги на Пасху один раз в год, разноцветные леденцы из магазина или бледно-голубые карамельки без оберток и вот такая скибка с сахаром. О том, что пироги можно печь и не только на Пасху, я поняла много позже. Как, впрочем, и то, что оливье или голубцы можно готовить по желанию в любой день. То, чего не хватало мы придумывали или искали способ восполнить. Например, одежду и обувь донашивали за старшими, а пер-

вая собственная обувь у меня появилась лишь к линейке в 5-м классе: и я буквально дышала над дешевыми лаковыми туфельками с крошечным бантиком и считала их верхом совершенства. Мои...

Лето 1991 года запомнилось жарким, засушливым. Наступал август, тот самый бархатный сезон, когда днем еще очень тепло, а по вечерам тянет прохладой и нет ветра и запах жареной картошки, щедро присыпанной свежим укропом разносится далеко по округе. В деревню хлеб привозили раз в день, а иногда и раз в несколько дней. В очереди стояли в основном дети, и науку «кто за кем крайний» и «вас тут не стояло» мы постигали с шести-семи лет. В очередях стояли в основном дети. Мы с подружкой за компанию ходили за хлебом и могли ждать его целый день. Машины с буханками «черного» (ржаного) и батонами часто ломались, не доезжали до деревни, а хлеба привозили так мало, что его не хватало на всех. Таким были наши 90-е: система большой страны сломалась, а маленькая страна не успела встать на рельсы.

В тот день хлеб мы ждали у «Орса» - так по-уличному называли магазин - почти целый день. Успели обсудить все на свете, послушаться тихих разговоров женщин в пестрых платках, вдоволь покопаться в речном песке. В жару он был текучим, легко перетекал между пальцами, его удивительно приятно было месить босыми ногами. А машины с облезлой надписью "Хлеб" все не было. Мы начали чувствовать голод и нетерпение. Солнце начало садиться, а машины все не бы-

ло. Хлеб был нужен позарез - на следующий день папа должен был пойти за статком и ему нужно было что-то взять на обед. Сало, овощи были, но без хлеба есть это все было невкусно и непривычно. В какой-то момент у меня окончательно лопнуло терпение и я начала рассуждать, что пора бы идти домой и хлеба сегодня не будет. И от шаг за шагом я медленно отступала домой. Мне было одновременно стыдно и неловко, но голод и усталость взяли свое. Так шаг за шагом я дошла до поворота, когда еще могла видеть магазин и решительно пошла домой. Хлеб привезли через 20 минут после моего ухода.

Папа одолжил хлеб у родителей и ушел за статком - пасти коров. Мне этот хлеб не лез в горло еще очень долго. Молчаливый упрек родителей был страшнее ругани. Вот, мол, не дождалась. И в поле не работала, и хлеба не достала. Выходит, целый день бездельничала у магазина. Не было скидки, что ты ребенок и просто устал весь день ждать хлеб. Если ты пошел за хлебом, ты обязан был его добыть. Была в этой истории и полезная стороны - мама научилась печь хлеб в печи на дубовых листочках. Наконец-то мы что-то пекли не в праздники.

Шептуха

После учебы я отрабатывала диплом в деревенской школе. Деревня находилась всего в десяти километрах от большого города и снимать квартиру в городе было удобнее. Шел второй год обязательной отработки. Я снимала комнату в городе и ездила на работу каждый день в деревенском автобусе, обратно - на попутке. Такая заведенка была принята среди местных и довольно успешно практиковалась всеми и считалась безопасной.

По утрам в автобус набивалось множество людей. И вот однажды в первые сентябрьские дни я увидела мужчину. Он сильно выбивался на фоне пестрого пассажиропотока пригородного автобуса. Строгое пальто, короткая стрижка, не очень современный дипломат-чемоданчик. Он сторонился толпы, было ощущение, что ему безглаголиво сидеть на сиденьях, отполированных сотнями пассажиров до него, а все эти веселые и шуточные пересмешки пассажиров друг с другом вызвали у него снисходительную ухмылку. Он ни с кем никогда не заговаривал. Но я не придавала этому чувству внимания. Потекли привычные школьные дни, становилось холоднее, пассажир сменил легкий плащ на серое драповое пальто и пусть не стал привычно откликаться на шутки соседей по автобусу, но хотя бы немного пообвыкся. По вечерам я часто ходила в городскую библиотеку, чтобы почитать

книги и журналы, подготовить что-то к работе, подготовить дипломную работу или просто развлечься. И вот однажды я встретила этого самого пассажира. Он вроде бы даже обрадовался и предложил прогуляться. Была осень, и темнело очень рано, уже в шесть часов вечера было достаточно темно. Но так как нам было по пути, я согласилась пройти с ним до остановки. "Улица не купленная", вспомнила я известную фразу из любимого фильма. Но тон прогулки не задался с самого начала. Мы шли по улице почти молча, не было вот этого легкого волнения или радости, все было слишком мрачно. Возможно, так действовала темнота и короткие ноябрьские дни, накрапывал дождь вперемешку со снегом. В какой-то момент этот парень сказал, что ему нужно забежать домой и оставить вещи и он продолжит меня провожать.

Я ждала довольно долго и уже собиралась уйти, как он вышел из дома и как ни в чем не бывало предложил пойти посмотреть на его строящийся дом. Вспоминая позже я вдруг поняла, что в тот момент у меня как будто выключилось чувство самосохранения и я послушно пошла за этим парнем.

Мы незаметно дошли до окраины города, на новую улицу, где строились дома. Там не было нормальной дороги, нормального освещения и, в общем-то, не было людей. Первое правило – «беги туда, гделюдно» – я почему-то проигнорировала. И шла, как зачарованная фокусником змея. Мы зашли в дом. Он и правда был недостроен, но коробка была готова. Внутри стояли строительные леса, лежали стройма-

териалы, и стул. В доме не было света и мой знакомый подсвечивал все своим телефоном.

Потом он сел на стул и предложил сесть к нему на колени. Он начал меня целовать и шептать какой-то очень странный набор слов, перемешивая свой неудавшийся опыт и мою неуверенность в себе. Он шептал так много, что в какой-то момент я потеряла нить рассуждений. Было что-то про оргазмы, про порчу, про какие-то странные "умения" видеть людей и снимать порчу посредством секса. Мне казалось прошла целая вечность, и в какой-то момент я все же очнулась и внутри содрогнулась от ужаса: что вообще происходит? В уме я лихорадочно начала продумывать варианты отхода. Наконец-то я набралась решимости и резко встала и пошла к выходу. И вдруг обнаружила, что входная дверь заперта...

В этой ситуации я приняла единственно верное решение и холодно приказала: Открывай. Нашупав ключ в дверях я открыла входные двери и вылетела на улицу. Свежий воздух наконец-то наполнил легкие и я буквально побежала в сторону города. Вслед мне неслись проклятия, оскорбления и унижения. Но они отскакивали от меня, я хотела убраться оттуда живой и невредимой. Пострадала только моя психика. На следующий день, и через день, и через неделю я больше не видела того парня в автобусе. Он словно испарился из моей жизни. Может быть начал ездить на машине. Мне показалось, что он появился в моей жизни лишь как урок са-

мосохранения.